

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ —

ЭТО было лет пятнадцать назад. Тогда на сцене филиала Малого театра шли ибсеновские «Привидения», и театральная Москва полна была разговоров о спектакле, об исполнительской роли Освальда.

Я отчетливо помню и сегодня каждое движение, каждую интонацию актера, игравшего эту сложнейшую роль мирового репертуара удивительно просто и предельно глубоко. Герой не раздражал натуралистичностью страданий, тяжелейшая его наследственность не довлела над судьбой. Нет! Гибель молодого человека была обусловлена несовместимостью его светлого, тянущегося ко всему прекрасному характера с прогнившими нормами буржуазной морали.

Это была трагедия — столкновение мрака окружающей жизни и солнца, живущего внутри человека. И сам человек, лучезарный и чистый, был живым укором окружающей его буржуазной действительности. Освальд, каким его играл актер, был рожден для иной судьбы, полной радости жизни, радости труда.

Артист, выступивший тогда в роли Освальда, не первый год играл в Малом театре. Зовут его Евгений Матвеев.

ЧЕЛОВЕК ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА

Сегодня Евгений Семенович Матвеев — известный киноактер и режиссер, которому мы обязаны такими фильмами, как «Цыган», «Почтовый роман», «Смертный враг». А его Макара Нагульнова из «Поднятой целины», Владимира Федотова из «Родной крови» или, скажем, Добротина из «Сибирячки» знают, пожалуй, в любом уголке Советского Союза.

Когда-то, лет шесть назад, я спросила у артиста — навсегда ли он оставил театр? И услышала в ответ: «В кино больше простора».

Тогда я не совсем поняла эту фразу и, скажу по совести, не одобрила выбор Матвеева. Мне казалось, что ему — незаурядному актеру (каким он показал себя в Освальде, например), ни в коем случае нельзя оставлять сцену.

Впрочем, я и сейчас жалею, что нельзя сегодня увидеть Матвеева в спектаклях. Но сегодня очевидно другое — именно в кино во всю богатейшую ширь и мощь развернулось дарование Матвеева,

тяготеющего к характерам сильным, решительным, эмоциональным и не умеющего делать что-либо вполовину. Уж если увлечется фильмом, то вносит коррективы, а то переписывать вместе с автором сценарий, придумывать, отвергать и снова вместе с исполнителями искать актерские ходы, и, наконец, выдать «на-гора» сокровенное, пропущенное сквозь себя, передуманное, перечувствованное.

Так было с любым фильмом, с любой ролью. Помню, как-то по заданию редакции я пришла взять интервью у Матвеева — кинорежиссера о только что законченном им фильме «Цыган» (где он, кстати сказать, выступил и в качестве актера, отлично сыграв центральную роль). Не успев еще «остыть» от картины, Матвеев заразительно говорил о новой задумке — ленте про любовь, этом огромном, всепоглощающем чувстве...

Он был весь во власти новых замыслов, и чувствовалось, что разговор о «Цыгане» отвлекает его от главного — того, чем он живет сейчас. То и дело Евгений Семенович «сбивался» на рассказ о двоих и их любви. Он не называл тогда фильм, только читал стихи, листал книги, мечтал вслух. Я не знала, что присутствую при рождении замысла «Почтового романа».

Матвеев не умеет быть равнодушным, спокойным, созерцательным. Слушаешь его и чувствуешь, как буквально «горит» он делом, которому служит.

Так и с новой картиной «Я — Шаповалов Т. П.», где Евгений Семенович сыграл главную роль и продолжает сниматься во второй части этого фильма, которая будет называться «Во имя жизни на земле». Легко представить: зрителям снова предстоит интересная встреча с уже полюбившимся героем. Но, пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что Матвеев снова охвачен лихорадкой творчества. Новым увлечением, новым пламенем его сердца стал роман П. Проскурина «Судьба», о котором Матвеев говорит и думает ежеминутно.

— Вот, набрался такой дерзости, хочу экранизировать эту книгу, насчитывающую более 700 страниц. Муча несусветная. Какой эквивалент найти на экране литературной выразительности духа народного, силы народной? Приходится на пути к фильму терять людей, отсекал целые сюжетные линии. Занимаясь мы всем этим, конечно, вместе с Петром Проскуриным.

Роман охватывает два периода сравнительно недавней нашей жизни — предвоенные десять лет и войну. Работает сейчас над предвоенным периодом. Но и своего Шаповалова я не забыл. Воспринимаю все происходящее сейчас как бы через призму его взгляда на окружающее. Ведь мир моих героев надолго становится моим внутренним миром: «А что бы подумали они в этой ситуации, как бы поступили?» И рядом с моим Шаповаловым появляется теперь новый, еще мало знакомый мне человек по имени Захар из проскуринской «Судьбы». «А как бы он себя повел в данном случае, что сказал бы, что предпринял?» — на этой мысли я все чаще ловлю себя..

Д. АБРАМОВА.